

A black and white photograph of two hands in motorcycle gloves shaking over a desert road. The gloves are detailed with various textures and straps. The background shows a long, straight road stretching into the distance under a cloudy sky.

ИНЫЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марина Бонд

18+

Марина Бонд

Иные

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бонд М.

Иные / М. Бонд — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0007-7

У каждого человека есть своя трагедия. Кто-то воспринимает ее как опыт. Кто-то смиряется и прячется за своими фобиями. Кто-то борется и пытается подняться с колен. Инна – мотоциклистка с тяжелым прошлым и живет лишь наполовину. Захар – бывший заключенный, который силится встать на ноги. Сама судьба свела их для того, чтобы они помогли друг другу научиться жить, ценить настоящее, а не заикливаться на прошлом. Фото для обложки - А. Ряпасова-Куц. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0007-7

© Бонд М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Новость о том, что библиотека вновь стала функционировать, шустро облетела стены корпуса и крепко осела в большинстве своем недалеких умах отбывавших срок наказания. Усугубляло основательную посадку этой вести то, что новым «смотровым» библиотеки являлась, если верить слухам, женщина. И что совсем вводило в ступор и без того полусгнившие умы заключенных – женщина «с воли». Обычно, библиотекарем назначался один из эков, но так уж вышло, что именно в этой колонии желающих на эту негрозную должность не нашлось. Администрация не стала заморачиваться, и все пустилось на самотек: бери – не хочу. Только без надзора казенное добро привели в негодность и лавочку прикрыли. Захара такая постанова порядком выбеживала: смотреть «отфильтрованную» галиматью по ящику – тошно, писать писем ему некому, остается читать, но нет доступа к книгам – без строгого учета книги не выдают. Вот и брал дополнительные смены в автосервисе при машиностроительном производстве, где трудились заключенные колонии, либо истязал свое брэнное бледное тело физическими нагрузками на спортивной площадке.

Больное воображение каждого эка нарисовало себе длинноногую красотку с пышными формами так и жаждущую для кого – любви и ласки, для кого – жесткого траха. Да ладно. Хоть старая карга с бородавкой на носу – лишь бы баба. Черт! Изголодавшаяся по женскому телу свора вырождков все, как выдрессированные шавки, выстроились в очередь в библиотеку. Захар мог поспорить на свой мизинец, да хоть на всю пятерню, что многие из них даже читать не умеют. Лишь бы поглазеть на телку, чтоб потом тайком драть до мозолей на ладонях. Хотя не все здешние обыватели хранят целибат: к кому-то приезжают на свиданку, а кто-то не брезгует ни мужскими жопами, ни ртами. Есть тут одна шайка – «сестры» – спецы по этой части. Новичков сразу к себе загребают. Кто-то сдается быстро, кто-то брыкается. В конце концов, жертву либо ломают, либо оставляют. Заку повезло примкнуть ко второй группе, но, сколько драк и сломанных костей ему это стоило – не счесть. Да и к чему вспоминать – давно дело было...

Нет, тесниться в этой очереди он точно не станет. Хотя до ломоты хотелось почитать. Что-нибудь беспросветно-мрачное, тяжелое, чтоб его жизнь показалась еще сносной. Он переждет. Днем раньше, днем позже – разницы никакой. Его импульсивный характер не позволял долго сидеть на одном месте, выжидать, но так было раньше – строгий режим и не таких обламывает, вот и его пыл подостудил за пятнадцать-то лет. Почти пятнадцать, выкинутых к черту под хвост, гребанных лет!

Но и на следующий день его ждал облом похлеще червивого яблока, что попадет на «десерт» раз в три месяца. Закрытая дверь за решеткой во весь проем, а на ней объявление, мол, режим работы понедельник с 8:00 до 20:00. И плевать, что арестантам на работу топать – успевай, как хочешь. Вот ублюдки! Даже такую малость, как книги, ограничивают до минимума! Зараза! Ладно. В следующий раз припрется к восьми вместо завтрака – перебьется. Только бы за неделю ни во что не вляпаться – в ШИЗО книг не дают. Да и осталось-то чуть больше месяца. Нет – сорок дней и он отбудет срок наказания, что называется «от звонка до звонка». А ведь мог получить и досрочное, если б не его долбаный характер, не позволяющий ему смолчать где надо или не выступать где не надо. Как следствие – нарушение внутренних порядков и ШИЗО со всеми вытекающими.

Будучи верен своему решению, он мысленно нацепил на себя намордник, строгий ошейник и тенью бродил всю неделю, ни во что не ввязываясь. В 7:59 после утреннего осмотра и минуя завтрак, Захар поднялся на третий этаж, где располагалась библиотека, и застыл от изумления открывшейся картины. Маленькое существо издавало приглушенные всхлипы, пряча лицо на груди у заключенного через ту самую решетку на весь дверной проем, комкая ткань его

робы в кулачках. Бесполой брючный костюм бездушного серого цвета – все строго по регламенту.

– Не могу без тебя, Ян! Я больше так не могу! – захлебываясь своими слезами, плакала, судя по голосу, девочка. – Не знаю чем и как еще я могу тебе помочь!

– Устроится сюда библиотекарем не самая лучшая твоя затея, раз ты в слезы бросаешься при виде меня, – ласковым, чуть насмешливым голосом ответил громила, который обнимал девушку, насколько позволяли прутья решетки, и гладил по голове, успокаивая как ребенка. – Быть сильной, жить и дышать полной грудью за нас обоих – этим ты можешь мне помочь. Зная, что с тобой все в порядке, я спокоен.

Девушка подняла заплаканное лицо к мужчине и нежно погладила его по щекам:

– Это так тяжело, Ян, жить без тебя. Чувствовать свою огромную вину перед тобой и быть не в силах хоть как-то облегчить твою ужасно-несправедливую участь.

– Прекрати! – он слегка встряхнул ее за плечи, – перестань пороть чушь, – интонация его голоса изменилась, в ней явно зазвучали стальные ноты. – Если не можешь адекватно воспринимать ситуацию, не хрен было сюда соваться! – зло выплюнул он, но тут же снова прижал ее к себе.

Невооруженным взглядом было видно, что эти двое испытывают друг к другу сильные чувства. Зак стиснул зубы – когда-то и он переживал подобное...

– Инна Яковлевна, пора открываться! – крикнул сопровождающий охранник из недр библиотеки. Девушка нехотя отстранилась от ээка, прочистила горло и громко ответила:

– Уже!

Тот отступил на шаг, намереваясь уйти, но все еще держал ее за руки. Вдруг девушка испуганно ахнула и уставилась на Захара. До чего ж было его удивление, когда в развернувшемся за взглядом девушки парне, он признал товарища по несчастью, на нагрудном значке которого значилось, помимо номера отряда – «Ростовских Я.Я.» Тот вплотную подошел к Заку, сверля его хмурым взглядом, и тихим низким голосом не то приказал, не то попросил:

– Ты ничего не видел.

Захар выдержал взгляд и лишь неопределенно хмыкнул. Они были одного поля ягодами. Беркутов просидел уже два года, когда с очередной партией новеньких привезли этого – угрюмого, молчаливого, нелюдимого. Он также прошел испытание «сестрами» и с боем отвоевал себе неприкосновенность. Из всей оравы узников они сразу учуяли друг в друге равных соперников, но смекая, что делить им, в общем-то, нечего, не спешили устраивать потасовку на ровном месте.

– Что вам? – безразлично спросила девушка, когда громила ушел, а Захар занял его место. Она успела вытереть щеки, но глаз не подняла.

– А большой выбор?

– Вам хватит, – грубовато ответила та, намекая на его ограниченность ума.

– «Отверженные».

Тут она вскинула на него удивленно-скептический взгляд, даже бровь приподняла:

– Осилите? Может что попроще? «Кошмар на улице Вязов»? «Кладбище домашних животных»? – начала с издевкой перечислять почему-то детские ужастики. То есть этот мудака ее расстроил, а она на нем – Заке – срывать злость будет? Ага, разбежалась.

– Так и скажи, что нет ни хуя в этой сраной библиотеке! – гаркнул тот и развернулся, чтоб уйти.

– Постой! – окликнула девушка и успела скрыться, когда Захар обернулся. Вынырнула с первым томом нужного произведения и протянула ему через решетку, мельком взглянув на его нагрудный значок и вынув карточку из книги, куда и вписала его данные.

Глава 2

Зак долго ворочался и никак не мог уснуть. Да еще эти оболтусы обсуждали новеньких участников реалити-шоу, которое глазают каждый вечер. Как можно смотреть эту дрянь еще и дискутировать потом?? С другой стороны их можно понять: там, по ту сторону экрана, течет настоящая жизнь. Со всеми невзгодами и трудностями, радостями и счастьем протекает жизнь на воле. Парни погружаются в нее, не имея своей; следят за чужими отношениями и переживаниями, не имея своих. Это как наркотик, дурман, который помогает погрузиться в забытие, хоть на час сбежав от своей жестокой реальности.

У Зака же перед глазами стояла трогательная, полная неподдельного отчаяния и любви сцена, невольным свидетелем которой он стал утром. Эта картина навеяла воспоминания о его девочке, его сокровище, его жене, когда-то смотревшей на него с наивной верой и преданным обожанием. Твою-то мать!.. Они были совсем юны, полные дерзких надежд и мечтаний, которым не суждено было сбыться.

Вспомнил взгляд библиотекари: презрительный, надменный, злой. Но красные, опухшие от слез глаза, выдавали глубину ее горя. Даже смешно торчащие в разные стороны короткие белые волосы не скрывали ее несчастный вид. Инна Яковлевна... Инна... Нина... Черт! У них даже имена похожи!

Конечно, Захар безмерно завидовал сокарменику. У того есть женщина, которая его ждет и любит, а у него отобрали. Незаслуженно, несправедливо, больно. И хоть он не самый обаятельный парень на свете, но и сволочью не был – не стал выдавать их тайну. Ночью ему приснилась Нина...

* * *

Вот на кой, к ебени фени, ляд надо было так поганить книгу?! Что за изверг выдрал половину всех страниц?? Из-за таких скотов и закрыли библиотеку! Теперь приходится стоять в очереди среди гогочущих и пошло шутящих лоботрясов, тратя на это обеденный перерыв, чтобы поменять книгу, если будет на что... И ведь каждый из парней считает своим долгом потрепаться с девчонкой.

– Можно мне сразу две части? – щербато улыбаясь, спросил тип, наглаживая решетку.

– Не положено, – отрезала малая, севшая за стол вписать в карточку книги фамилию и номер отряда ээка.

– Может, мы договоримся? – подхалимски протянул тот.

– Обойдешься! Следующий!

Подошел верзила. Если все за годы отсидки под одной крышей с кем-то да заводили далеко напоминающие товарищеские отношения, то с этим никто якшаться не хотел, ибо сидел он за гнусное даже по местным меркам преступление.

– Эй, милашка! Хочешь побаловать с моим дружком? Он в аккурат поместится в твой ротик.

– Библиотека и БОрдель – разные понятия, хоть и начинаются на одну букву. Вот тебе «домашнее» задание, крепыш: выучить отличие этих слов. Как справишься – подходи. Следующий!

– Погоди, кроха. Ишь, какая пряткая. Люблю таких – маленьких и шустрых, – плотоядно улыбнулся тот. – Ты мне что посоветуешь, мм? У тебя, небось, глаз наметан?

Девчонка сделала вид, что задумалась, поднялась из-за стола и отступила на шаг, охватывая весь его образ целиком. Даже поднесла маленькую руку к лицу, задумчиво постукивая пальцем по подбородку. Затем наклонилась и вытащила небольшую тоненькую книжечку:

– Думаю, это то, что тебя заинтересует по-настоящему, – подмигнув, она протянула ему... букварь!

То ли малая была не в курсе, за что отбывал срок наказания бугай, то ли очень тонко намекала на это. В любом случае, она завела опасную игру. Тот нехорошо прищурился на нее и сказал что-то очень тихо и вкрадчиво. Так, что девушка непроизвольно подалась вперед, сиюсья расслышать. Тут-то он ее и поймал. Наверняка, таким же приемчиком отлавливал своих жертв.

Он рывком схватил через решетку тонкую шею малышки и приподнял до уровня своих глаз. Остальные притихли, чтоб не привлечь ненужного внимания охраны, но морды всех обезобразило хищное выражение. Беркутов напрягся, предчувствуя потасовку, Ростовских нигде не видно.

– Считай, повезло, что в моем вкусе девочки помладше. Так что тебя, возрастную суку, я порву голыми руками, – прорычал ей в лицо, которое уже заметно покраснело.

– Отпусти ее, – негромко, но твердо приказал Зак.

– Отвали, щенок, – окрысился тот, не отворачиваясь от своей жертвы. Та беспомощно бултыхала ногами по воздуху и силилась ослабить его хватку. Захар подошел вплотную к нему:

– Поставь ее, – повторил он, видя, что у девчонки начинают закатываться глаза.

– Пошел на х...

Договорить он не успел. Три сильных резких удара подряд по почкам заставили его согнуться от боли, выпустив девушку. Она закашлялась, втягивая в себя воздух, и нажала тревожную кнопку, громко оповещающую охрану об очаге беспорядка.

– Ходи и оглядывайся, малыш, – зло выдохнул ему в лицо бугай и Зак четко понял, что у него появился новый опасный враг.

Глава 3

Инна перепугалась насмерть! Она сползла спиной по ближайшему стеллажу на корточки и, прикрывая руками горло, беззвучно глотала слезы ужаса. Молоденькому горе-охраннику, которого приставили к ней, как одно из обязательных условий пребывания ее на территории колонии, было вообще не до нее. У него весна раньше времени разыгралась в штанах, и он часами изливал романтические настроения объекту своих матримониальных поползновений по телефону, откровенно забив на свои должностные обязательства. Потому и проглядел внезапное нападение на Инну. Прибывшая подмога более надежной охраны скрутила баламута, и его увели в ШИЗО. Только тогда к ней постепенно начал возвращаться рассудок, а вместе с ним негодование по поводу несправедливости установленных специально для нее особых рамок поведения. Она поднялась на ноги и решительно направилась к выходу, подгоняя перед собой непутевого охранника, велел сопровождать ее к начальнику колонии. На возмущенные оклики остальных заключенных, желающих получить свои книги, она, даже не оглядываясь, выплюнула «перерыв» и была таковой. Пока они преодолевали коридоры, ведущие к административным помещениям, ее злость достигла точки кипения.

Последние несколько лет она то и делала, что ходила по всевозможным инстанциям, писала прошения, петиции и ходатайства, добивалась судьбоносных встреч и изо всех своих силенок защищала права осужденных на обучение и образование. Обшаркала все стены образовательных учреждений, обила все пороги администрации, костями готова была лечь, лишь бы ей позволили внедрить хоть каплю образовательного процесса в стены именно этой давно заброшенной и никому не нужной колонии. И добились-таки своего! Всеми правдами и не только, где-то умасливая и задабривая презентами, где-то подпирая законами и правовыми нормами, со слезами и ослиным упрямством она добилась, чтобы здесь возобновили учебный процесс, прерванный несколько лет назад из-за недостаточного финансирования. Потом, разузнав, что библиотека пришла в негодность и потенциальным ученикам просто напросто негде брать материалы для изучения хотя бы основ своего профиля, она вызвалась на добровольно-альтруистических началах восстановить ее и по возможности улучшить. И наткнулась на категоричный отказ. Снова неустанные просьбы и мольбы с ее стороны, но, чувствуя, что одна не справляется, она обратилась за помощью к юристам и вместе они выиграли этот спор, хоть и на скудных условиях. Теперь каждый понедельник она срывалась за полтысячи километров от дома, чтобы приводить в порядок плачевное состояние библиотеки и вносить свою лепту, в виде собранных с миру по нитке разношерстных книг, в ее изрядно потрепанную коллекцию.

Все это делалось с одной лишь целью – ради Яна. Дать ему возможность закончить свое образование, прерванное, по сути, из-за нее. И видеть его, ибо шесть свиданий в год – это ничтожно мало для поддержания боевого настроения Инны. Таким образом, уже три недели подряд она встречает его, обнимает, пусть через решетку, любит его, даже сквозь слезы, говорит с ним, хоть всего пять минут. Это лучше, чем ничего. После этой заварушки... изменятся ли для нее и без того шаткие условия пребывания?.. Но Инна, до конца оправившись от недавнего потрясения, не собиралась ждать вердикта. Лучшая защита – это нападение. Выбрав эту тактику, она без приглашения ворвалась в кабинет начальника колонии.

– Олег Дмитриевич, я требую, чтобы мне вернули балисонг!

Дородный мужчина, восседавший за массивным рабочим столом, перевел взгляд своих водянистых глаз на маленькую фурию, вихрем ворвавшуюся к нему.

– Вы *требуете*? – он уставился на нее взглядом, в котором явно читалось «один щелчок и ты вылетишь отсюда». В его глазах не было ни гнева, ни жалости, ни соучастия ее беде, ни че-

го. Инне подумалось, что людям за плохую карму отмеряно работать в подобных заведениях, вытравливающих из них всю душу и способность к эмоциям.

Она шумно вздохнула, успокаиваясь.

– Я настоятельно прошу вас. Это холодное оружие представляет собой средство моей индивидуальной защиты, а никак не угрозу обществу. На его ношение у меня есть все необходимые документы, как вы знаете. Олег Дмитриевич, взгляните на меня, – она с мольбой сложила руки у груди, побуждая его взгляд опуститься на ее шею, где отчетливо проступали синяки от недавнего удушения. – Во мне пятьдесят килограмм живого веса. Да я при всем желании не смогу нанести урон здоровью человека! У меня физически не хватит на это сил! Максимум – поцарапать, припугнуть, все! Да здесь любой меня сможет скрутить одной левой, не напрягаясь.

– Об этом надо было раньше думать! Но, раз уж вы, Инна Яковлевна, не удосужились позаботиться о своей безопасности в стенах этого исправительного учреждения, за вас это сделал я! Потому и приставил к вам персонального охранника, – на повышенных тонах напомнил он.

– Действительно! – снова начала заводиться Инна, – давайте спросим у нашего богатыря, как же он так сплеховал, допустив несанкционированное действие в виде нападения со стороны заключенного в мой адрес? – она всем корпусом в обвинительной позе развернулась к пареньку.

Тот покраснелся, как рак, и ворот рубашки оттягивает, явно мешавший свободному передвижению воздуха по его дыхательным путям.

– Я... кхм... только отвернулся... кхм... когда все это... – промямлил тот.

– Вот и я о том же! – продолжала настаивать Инна, снова повернувшись к начальнику, – он может отойти, отвернуться, да хоть в туалет выйти и все – проморгаем вспышку! – от волнения не замечая перехода на сленг, затараторила Инна. – Пожалуйста! Позвольте мне держать нож при себе! Это добавит мне уверенности и избавит от затравленного взгляда, который, вы знаете, так заводит всех убийц!

Начальник усмехнулся – уж чем чем, а затравленным взглядом малютка точно не отличается. Вон, нахохлилась как воробей, глазюки так и мечут молнии, руки в кулаки сжимает. Но он-то понимал, что все это от страха. От того дикого, безумного страха, что скрутил ее тогда, вынуждая болтаться беспомощной жертвой в руке насильника – ему уже доложили о произошедшем.

Он долго смирял ее задумчивым взглядом, взвешивая все «за» и «против». Наконец выдал:

– Так и быть. Пишите объяснительную по поводу случившегося и заявление на разрешение ношения оружия.

Еще куча бюрократических манипуляций продержали Инну в кабинете начальника больше часа. После, шагая в библиотеку со своим неразлучным ножом за поясом, Инна чувствовала себя гораздо увереннее. По правде говоря, Васнецова не расстроило бы и «случайное» убийство хоть кого-то из осужденных. Будь его воля, он истребил бы всех здешних обитателей за их злодеяния, неподлежащие никаким оправданиям, а не содержал бы этот притон за счет средств честных налогоплательщиков, в ряды которых он причислял и себя.

Короткий путь вел через столовую, и она без задней мысли направилась туда, даже не подумав о том, что настало время ужина, и все эки дружно засели там. Уже на пороге она застыла, окидывая многочисленную публику ошалелым взглядом. «Я просто пройду мимо. Ничего страшного. Тем более, со мной охрана» – успокоила сама себе Инна и, уставившись перед собой в одну точку, прямая, как палка, пошла по проходу между столами. С ее продвижением стали затихать голоса, а за ними – бряцанье приборов о тарелки. В столовой повисла

неестественная тишина. Она дошла почти до середины, когда один упырь сплюнул прямо ей под ноги.

– Я таких, как ты, соска, на воле драл и живьем закапывал!

– И за это сгниешь здесь заживо! – притормозив, с неприязнью отгрызнулась она. Вот зачем? Нет, чтоб просто пройти мимо. Молча! Но шестым чувством она ощутила себя в относительной безопасности, зная наверняка, что Ян здесь и ни за что не позволит ее обидеть.

– Попадешь в ад, и сам черт тебя отделает так, что тебе покажется, будто тебя трахнули поездом! – Инну понесло, видимо, сказывалось пережитое нервное напряжение. Захар перевел взгляд на Ростовских, что сидел через проход от него и понял – хана. Тот уже медленно поднимался из-за стола, не сводя бешеных глаз с шеи малой. «Сиди и не рыпайся» – мысленно велел себе Зак.

Дальше все произошло в считанные мгновения: Ян кинулся на выскочку, один охранник оттеснил девушку подальше от дерущихся, другие без разбора стали мутозить тех палками, пытаясь унять.

Глава 4

Захар сидел в тесной каморке на голом полу, согнув ноги в коленях и положив на них руки. Спина и шея затекли, но прислониться к стене и думать нечего – до того она холодная и сырая, что очочуриться можно. Вертухай – гнида, сложил нары и нацепил замок. Вечером, если не забудет, снимет, чтоб поспать, а с петухами – столкнет и опять закроет. Вокруг темно – одно вшивенькое оконце и то замуровано железным листом. Перед глазами так и стоит: девчонка с паническим ужасом в глазах, сокрушенно заливаясь слезами, смотрит, как охрана избивает Ростовских и зажимает трясущимися руками рот. Тут же память услужливо выставляет на обозрение совести такой же отчаянный взгляд, с мольбой глядящий на него, и... все. Он не сумел помочь тогда, но попытался это сделать сейчас. За что и угодил в кандей. Твою ж мать! Сумрачно, промозгло, до костей пробирает. Из колонок бесполый голос гундосит унылую малопонятную лекцию, чтоб зэки не могла переговариваться между собой. Стойкий, ядовитый запах параша разъедает слизистую носоглотки. Смрадный дым дешевых папирос усугубляет зловоние. Весь «букет» загоняет психику в темный страшный тупик и хочется выть от безысходности и обреченности.

Три дня Беркутов провел, мучаясь во сне кровавыми отрывками прошлого, наяву – грызней совести. Потом начал трогаться умом. Как именно он это понял – сам не знал. В конце концов, так недалеко и до психушки, поэтому переключился – стал выполнять ряд нехитрых упражнений, изматывая свое тело физически, ибо на психическом уровне он давно издох. Еще через пять дней он слег. Скучная по содержанию витаминов пища, грязная техническая вода вкупе с изнурительными нагрузками и постоянным холодом и – вуаля! ОРВИ обеспечено! Температура под сорок и прочие прелести. Перевели в медицинский корпус, где провалялся в полубабытье весь остаток срока карцера. Так конечно лучше, но не намного: из лекарств банки да йодная сетка – вот и выживай, как хочешь.

Короче, «вышел» Беркутов еле живой. Одно радовало – скоро домой. От этой мысли, как обухом по голове – где его дом? Куда ему возвращаться? Кто его ждет? Так и замер с книжкой в руке по пути в библиотеку.

Очнулся, дошел, наконец. Народу – никого. Видно, схлынул бешеный ажиотаж. Девчонка сидела за столом и чего-то строчила. Неслышно приблизился, просунул книгу сквозь решетку и уронил на край стола и глухим хлопком. Та обернулась на звук и подняла на него распахнутые глаза, а потом и вся поднялась. Глядела на него, не мигая, и Захар утонул в этих бездонных глазищах, впервые всамделишно их рассмотрев. Огромные, серо-зеленые, видящие саму суть человека и оставляющие след на подкорке. Такие захочешь – не забудешь.

– Второй том? – прервала затянувшуюся паузу, кивком головы указав на книгу.

Он отрицательно качнул головой, не в силах прервать зрительный контакт. Вот ведь, без понта, повезло говнюку такую цацу отхватить! Скоро Зак много будет встречать глаз, подобных этим – живых, выразительных, свободных, и что? Так и будет отмалчиваться? По-хорошему, за несколько месяцев до освобождения с заключенными должны работать психологи, помогая тем адаптироваться к новому будущему и не оступиться. Да куда уж там!

Девчонка хмыкнула:

– Не осилил? – спросил язык, «я же говорила, не вывезешь, тупой урод» – говорили глаза. Захар кивнул, соглашаясь. Стоп. Так дело не пойдет! Хоть слово из себя да надо выдавить.

– Отсутствующих страниц, – прохрипел он, договаривая ее предположение, и развернулся уйти. Когда до нее дошел смысл сказанного, она бегло пролистала книгу, и впрямь не обнаружив там добрую половину. Как не заметила, когда выдавала?... Торопилась да мысли сумбурные в голове роем толпились – застучал тогда их с Яном. Кстати, ведь не сдал! К тому же ее саму спас от рук мародера. Еще в мордобой в столовой полез, за Яна вступился. Похоже,

здесь существует отдаленно-расплывчатое понятие о чести и слове. Глупо, конечно, сам в карцер угодил. Но... подкупающе...

– Беркутов! – окликнула его по фамилии, а больше-то все равно не знала как. Тот замедлил шаг. – Спасибо, – нерешительно протянула Инна ему в спину. И он ушел.

Согревая руки о бумажный стаканчик с кофе, трясаясь в автобусе ночного рейса междугороднего следования и глядя на пустынные заснеженные поля, проплывающие за обледеневшим окном, Инна крепко задумалась об этом парне. Ян о нем ничего не шкворчал, хотя, он вообще не обзавелся «корешами» – сторонился всех, как и прежде. Почему тогда этот полез в драку? И явно на стороне Яна. На заискивающего подхалима, выкруживающего «дружбу» он не похож. Мاستью не вышел для такого типа. Надоел общий корпус и решил отдохнуть от всех? С трудом верится. Да и выглядел после такого «отдыха», мягко говоря, пришибленно, что ли... Весь осунулся, как будто даже в росте уменьшился; коже серая, обезвоженная, вся в трещинах; под глазами не то, что синяки – черные колодцы бездны. А сами глаза – в них страшно смотреть! Это глаза старого изнеможденного... даже не человека, нет – пса! Или колдуна, который проклят бессмертием и пережил войны всех веков и народов, видел миллионы смертей, тысячи катастроф и никак не мог изменить ход истории в лучшую сторону, а просто был сторонним наблюдателем, который впитывал адские муки и горе. В глубине его глаз таилась вселенская усталость.

Короче говоря, жалко ей стало парня. Ведь наверняка не все, отбывающие здесь срок наказания жестокие рецидивисты. Есть и такие, как Ян, например...

Глава 5

Пять дней до свободы! Даже не верится. Казалось бы, светись от счастья, предвкушая несказанно желанную жизнь на воле. Только Захар не чувствовал приближения пьянящей свободы. Он не был похож на орла, что разминает свои крылья перед долгим полетом, выпущенным, наконец, из клетки. Скорее, наоборот: с каждым днем в нем все больше проявлялись настороженность, опасливость, даже испуг. Страх перед неизвестностью довлел над всеми остальными чувствами. Куда идти? Что делать? Как жить? Где работать? На эти, вроде бы, несложные вопросы, Зак не мог найти ответа. За долгий срок пребывания в заключении, Беркутов основательно адаптировался к местным порядкам и законам, стал более эмоционально закрытым, более самоизолированным, более социально отстраненным, и как следствие – менее приспособленным для жизни после освобождения. Он не представлял, как впишется в общество свободных людей, которые живут по правилам, от которых он давно отвык. Пятнадцать лет! Да за пять психика человека меняется кардинально! Ему девятнадцати не было, когда он попал на зону, совсем малец, жизни не распробовал, а через месяц ему стукнет тридцать четыре. Чувак треть жизни провел за решеткой! Это все равно, что лисенка вырастить в заповеднике и уже взрослого выпустить в дикую природу – он элементарно не сможет добыть себе пропитания и защититься от других хищников.

Все эти невеселые мысли тяжелым бременем давили на его плечи, затуманивали рассудок и придавали затравленность выражению глаз. У него был один единственный человек с воли, к которому он мог обратиться за помощью и который ожидал его у ворот колонии в условленный день и час.

Захару выдали его вещи, которые теперь стали тесны, документы, справку об освобождении и какие-то деньги. За стенами казенного дома его встретили седой февраль промозглым сильным ветром и беспросветно серое небо над головой. В центре унылого пейзажа стоял Глеб, привалившись спиной к машине, курил и внимательно разглядывал друга.

– Паршиво выглядишь, – заметил он вместо приветствия, щурясь от дыма и ветра, когда Захар приблизился к нему. Видно, специфическое медицинское обслуживание с карцером в придачу оставили на нем свои штрихи.

– Это я еще при марафете, – с ленцой ответил тот. Глеб протянул ему сигареты, его любимые. Зак глубоко, с удовольствием затянулся и выпустил струю дыма в бесконечность над головой. Курил не спеша, смакуя вкус и привыкая к тому, что стоит рядом с другом без давления камер и решеток со всех сторон. Глеб подошел и крепко обнял товарища, похлопав по спине:

– Рад видеть тебя, парень! С возвращением!

Всю дорогу домой Зак пребывал в прострации: он смотрел перед собой и четко отдавал себе отчет, что он *не понимает*, что с ним происходит! Расплывчато отвечал на вопросы товарища, сам же инициативы в разговоре не выказывал. Ближе к вечеру они въехали в город, и только тогда Глеб известил, что везет его к себе.

– Не думаю, что это хорошая идея... – протянул Захар.

– Да ты что?! Милка меня с потрохами съест, если я тебя не доставлю. С утра пельмешей настряпала, детей настропалила. По-любому, мелкие с нетерпением ждут приезда «дяди Зака». Ты как? Выдержишь штурм мелкоты? – покосился на него друг. Зак хмыкнул, ему нечего ответить. *Он не знает!* Поднимаясь в лифте на семнадцатый этаж элитной новостройки, Беркутов вскользь отметил:

– Неплохо обустроился.

Глеб не был хвастливым парнем, а потому не особо вдавался в подробности о своих достижениях на редких свиданиях с товарищем, смекая, что тому будет не ахти как приятно

еще отчетливее осознавать никчемность своей жизни на фоне успехов друга. Он крепко сжал его плечо, заглядывая в глаза:

– За пятнадцать лет многое изменилось.

Мила отворила дверь и застыла, прижав одну руку к груди, второй приглушая всхлип, и во все глаза вылупилась на Зака. Твою-то мать! Она такая же красивая, как на первой встрече, когда два бесбашенных дерзких паренька познакомились с двумя скромными подружками под каким-то нелепым предлогом. Тогда еще никто и предположить не мог, что это случайное ран-деву крепко-накрепко переплетет их судьбы. Много позже Захар вникнул, насколько похожи Глеб и Мила, и внешностью – у обоих мягкий взгляд карих глаз и темные волосы, и, главное, внутренним миром. Они действительно как две половины одного целого, которым повезло найти друг друга.

– Женщина! Что за манеры – держать гостя на пороге?! – шутливо пропесочил Глеб свою жену. Дети с визгом принесли в прихожую и теперь с любопытством разглядывали «дядю».

– Захар! – всхлинула Мила, и упала ему на шею. Тот выронил сумку и обнял ее своими ручищами, всей грудью вдыхая запах дома, какой-то стряпни и тонкий-тонкий аромат парфюма. Он слышал, что она плачет, чувствовал, как дрожит ее тело и сам еле сдерживался.

– Ну, давайте, голубки, заходим. Успеете еще наобниматься, – подтолкнул их в квартиру Глеб. Мила навещала Захара в самом начале, а потом один ребенок, за ним – второй, и так-то особо не вырваться, на зону тем более.

Разместились в кухне – самой уютной части большинства квартир. Пока Мила, успокоившись, варила домашние пельмешки, Егор и Виталя освоились и оккупировали Зака со всех сторон, хвастаясь безделушками и пытаясь вовлечь в какие-то игры. Пострелята наперебой рассказывали удивительные истории своих жизней, а ему только и оставалось, что слушать и поддакивать. И привыкать к этой неизведанной до сих пор грани жизни.

Сказать, что он готов был душу продать за такую простую, но безмерно вкусную домашнюю еду – это не сказать ничего! Он съел три порции. Съел бы и больше, да не влезло. За столом велись беседы обо всем, что произошло за время его отсутствия. Когда Мила укладывала детей спать, они вышли на лестничный пролет покурить.

– Чем думаешь заняться? – спросил Глеб, и, поймав растерянный взгляд друга, уточнил, – я не про сейчас, а вообще.

Как будто этим уточнением он облегчил вопрос! Беркутов пожал плечами:

– Понятия не имею, – сделал затяжку. – Для начала хату надо подыскать. В клоповнике, что выделили, разве что помирать, но я пока не собираюсь, – подмигнул, а в глазах испуг. Самый настоящий страх перед неизвестным будущим, в котором все его жалкие попытки стать человеком, в конце концов, потерпят крах и все закончится новым рецидивом или суицидством.

– За это не волнуйся, можешь побыть у нас.

– Нет, – твердо отказал, мотнув головой. Наткнувшись на насупленный, почти обиженный взгляд товарища, пояснил, – мне надо пообвыкнуться к новой атмосфере, и я буду далеко не душой компании в это время.

– К родителям не думал съездить, – аккуратно закинул пробный шар.

– К кому? – рыкнул тот. Родители Захара, имея всего одного позднего отпрыска в семье, делали большие ставки на его судьбу, которую, по их представлениям, он посвятит науке. Его даже назвали в честь руководителя одного из ведущих отделов НИИ, где они трудились всю свою сознательную жизнь. Захар Игнатьевич был женат на своих бесконечных исследованиях, и его тезке пророчили такое же «светлое» будущее. Но Зак пошел своим путем, диаметрально противоположным понятию предков. С шестнадцати лет он гонял на старенькой дедовской Яве, отрастил патлы и связался с темной компанией, сутками пропадая где-то вне дома. На восемнадцатый день рождения совсем свалил от них, смело распахнув крылья навстречу взрос-

лой жизни. Он был дерзкий, бесперомный, не знающий страха озорник, уверенный в своих силах. Более того, женился на малолетней девчонке ниже их статуса и стал работать в какой-то задрипанной автомастерской. Это, опять же, по их мнению. Отец попробовал вразумить непутевого сына и направить на путь истинный – все бестолку. Тогда разразился настоящий скандал с криками, взаимными обвинениями и претензиями, и тогда же отец Зака отрекся от своего сына.

– Они не навестили меня ни разу за все *пятнадцать* лет! Ни одного звоночка от них не было! – прорычал Захар, а потом устало махнул рукой, – горбатого могила исправит.

– Забей, – согласился друг. – Но оставлять тебя одного... – с сомнением попробовал возразить.

– Так лучше. Будем на связи. Кстати, трубу надо обновить. Тряпок докупить и... что там еще нужно для жизни?..

– Разберемся, – хлопнул по плечу Глеб, и они пошли обратно.

Снова засели в кухне. Мила заварила чай. По меркам Захара слааабый-прислабый! Когда он озвучил свои мысли ей, та засыпала вопросами: когда? Куда? Почему? И так далее. Вдруг Беркутов с ужасом обнаружил, что он затрудняется на них ответить. Более того, ответы на них подразумевают принять решение, а он отвык. *Отвык* от того, чтобы самостоятельно принимать решения в своей жизни! Ведь на зоне за тебя давно все продумано и решено, от тебя требуется только беспрекословное подчинение. Улавливая замешательство Зака, Мила решительно поднялась из-за стола:

– Так. Все, мальчики! Утро вечера мудренее! Завтра все и решим, а пока – спать!

Заку разложили диван в гостиной, выключили свет и все улеглись, а он еще долго пучил глаза в темноту, пытаясь свыкнуться со своим новым общественным статусом свободного гражданина.

– Как думаешь, он справится? – тихо спросила Мила в тишине спальни, устроившись под боком мужа.

– Это же Захар! – как непреложную истину выдал тот.

– В прошлый раз погорячился, и это обошлось ему долгим заключением. Как бы в этот раз делов не натворил...

– Мы поможем, – заверил муж. – Все. Спи.

Когда-то она потеряла подругу, Глеб не допустит, чтоб она потеряла еще и друга.

Глава 6

Утром плотно позавтракали и, пока Мила с детьми собирались, мужчины, прихватив с собой чай, вышли покурить. Тут-то Глеб и огорошил своим предложением:

– Где хочешь угол подыскать?

– На окраине. Светская жизнь пока не для меня.

– У нас баня построена недалеко от города. Отопление печное и электричество, в комнате отдыха есть холодильник и плита, телек и раскладной диван. Ты можешь пожить там.

Идеальный вариант, чтобы вливаться в новое окружение. На этом порешив, они дружно, всем семейством – выходной день освободил от работы и учебы – отправились по магазинам покупать Заку все необходимое. Мила прошерстила универмаг, расторопно выбрав для Беркутова вещи первой необходимости. Затем затарились продуктами на целую роту, и оправились в деревню.

Местечко оказалось малолюдным: как и во многих пригородных населенных пунктах круглогодично здесь проживает мало людей, а все «дачники» начнут активные шевеления ближе к маю. Постоянных жителей – домов пятьдесят, не больше, и один местный крохотный магазинчик. Участок друзей довольно просторный, но весь завален снегом: пешком-то не подойти к бане, не то чтоб подъехать. Пока парни убрали снег, мелкотня успела накатать целый снеговик. Зашли внутрь – дубак! За зиму дом выстудился и потребуется не один час, чтобы его протопить. Хорошо хоть дров навалом. Затопили печь, включили радиаторы, подключили насос из скважины – и дом как будто ожил!

– Это, конечно, не царские хоромы, но на первое время, думаю, пойдет, – немного смущенно заметил Глеб.

– Шутишь? В сравнении с бараком на сорок рыл – это райские кущи! – успокоил его Зак.

Помимо купленных продуктов, Мила положила домашней стряпни, так что за его пропитание она не беспокоилась. Но тревожилась за самого Захара – как он тут будет, совсем один... как бы ни вычудил чего...

* * *

Всю следующую неделю Беркутов беспробудно пил. Он четко осознал внутреннее ощущение потерянности, бессмысленности жизни, своей никчемности, бессилия и отчаяния. Чтобы заглушить эмоции, которые разрывали его на куски, он старательно заливал их водкой. За все длительное время заключения в его психике произошли необратимые изменения: тюремные ценности для него стали «своими». Они вдальбливались из года в год агрессивностью среды, пока не «проникли в подкорку». Пятнадцать лет назад он испытал мощнейший стресс от состояния несвободы, резкого сокращения личностного пространства и необходимости выстраивать отношения с людьми, которых он в свое окружение не выбирал. Хотя с последним у него были регулярные сложности. Теперь же иная картина, диаметрально противоположная: представление о свободном будущем – это черная дыра и панический страх. Усугубляло обреченность его положения чувство усталости, одиночества, злости и раздражения, низкий социальный статус и собственная несостоятельность добавляли «красок» общей картине. Он был почти уверен, что не сможет устроиться на работу, потому как будет обращаться напрямую, без направления службы занятости, и здравомыслящий работодатель «пробьет» его по базе данных или просто потребует справку о несудимости и за неимением таковой откажет под любым предлогом – никто не захочет нанимать рецидивиста. Весьма трудно будет реализоваться, ведь его личность подавлялась годами заключения, когда он надолго выпал из общества и для начала ему нужно социализироваться. В колонии проще: за тебя думают, тобой командуют. На воле же он чувствует себя чужаком, не знающим куда пойти и чем заняться. Есть большая вероятность потеряться и сорваться. Многим ли он нужен со своей справкой о

трудовой деятельности в колонии? С таким комплектом ему не просто трудно, а практически невозможно влиться в жизнь!

Не было ни дня, чтобы он не вспоминал о Нине, о тех светлых счастливых моментах, что она ему дарила. Вслед за этими приятными воспоминаниями неизбежно следовали другие, глубокое чувство вины от которых терзали его по сей день. Он дал себе зарок, поклялся перед самим собой, что больше никогда не допустит, чтобы из-за него пострадали другие люди. Для этого всего лишь стоит держать всех подальше от себя, как от главного очага опасности. Словно кусок сердца забрали вместе с его женщиной и неродившимся ребенком. Еще одной потери он не перенесет, значит и не надо больше никого. Одному спокойней.

На второй неделе закончилась водка, а он все никак не мог выйти из состояния унылой депрессивности и темной безвыходности. Вышел прогуляться за пойлом – первый раз за все время выбрался из дома! Дошел до магазинчика, в котором было все: от хозяйственного мыла до резиновых галош, включая продукты питания.

– Сколько можно здесь ошиваться?! Сказала же – без денег, не дам! Тоже мне, мученик нашелся! Раз так прижимает, пошел бы да заработал себе на чекушку-то! – полная, румяная женщина за прилавком отчитывала какого-то захудалого мужичка. Тот побрел к выходу, что-то бубня себе под нос, и Захар ясно увидел в нем себя в будущем, причем в недалеком, если продолжит в том же духе.

– Опять Степан приходил? – спросил грузчик, явившийся из подсобных помещений. – Вот ведь как тюрьма людей ломает. Был человек – и не стало человека.

– Что хотите? – продавщица переключила свое внимание на Захара.

– Кефир, – резко поменяв свои изначальные намерения, ответил тот.

Пока шел обратно испугался, что станет таким, как этот алкаш. Вот тут его мятежный характер взбунтовался! Да что же он всего боится: то одного, то другого! Скоро как ягненок станет шархаться собственной тени!

С того случая у Беркутова как отрезало все желание продолжать возлияния. Вечером сильно протопил баню и как следует пропарился. Нырнул в сугроб и заново. В помывочном отделении уставился на свое отражение в маленьком настенном зеркале, на полочке которого Мила так заботливо оставила бритвенный станок и прочие средства личной гигиены. На черепной коробке, сбритой почти на лысо, темнели короткие волосы – единственная позволительная прическа во всех исправительных учреждениях. Когда-то он носил длинные, до плеч, кудлы. Может и сейчас отпустить?.. С длиной волос на голове могла посоперничать длина волос на лице – еще ни разу не брился на воле. Скулы и нос выпирали заострившимися образованиями, тогда как глаза и так-то глубоко посаженные, впали еще глубже. Глубокие морщины прорезали лоб, складки у рта обозначились четче, появились морщины вокруг глаз. Темно-темно серых, бесконечно уставших глаз. Захар оскалился, разглядывая свои зубы, которые чудом остались все на месте: периодические драки, как правило, редят забор, а дрянная вода портит окончательно. Надо навестить стоматолога. Но для начала побриться.

Зака шандарахнуло – он принял решение. Пусть маленькое, незначительное, но он *сам решил* отрастить волосы и посетить зубного врача! Черт возьми, а это не так трудно! Надо просто взять и *решишь*!

После такого гениального открытия Захар стал изучать ситуацию в стране, слушая новости, как регионального значения, так и мировых масштабов. Когда он исходил всю деревню вдоль и поперек, стал ездить в город на электричке. Там он гулял, искореняя из себя недоверчивое отношение к людям, сознательно вступая с ними в любые взаимодействия. Полностью освоил новый смартфон и по загруженным картам находил и посещал много людных мест, осознанно перебарывая свою изолированность. По первости он охреневал, сколько развелось всевозможных магазинов, как много стало ездить машин, сколько новых домов построили, высокими свечками подпирающих небо и везде кафе – куда ни плюнь. Подлатал зубы, накопил

витаминов выправить подорванное здоровье, получил новый паспорт с временной пропиской у друга и обновил водительское удостоверение. Еще две недели пролетели незаметно. В один из таких дней набрал Глеб:

– Здорово, бро!

– Салют, дружище!

– Как дела?

– Твоими молитвами.

– Я тут подумал вытащить тебя в город на выходные, ресторан – не ресторан, в общем, как захочешь. Такой повод рисуется!

За все эти годы только он поздравлял Захара с днем рождения, который теперь неумолимо приближается. Свой тридцать четвертый день рождения он встретит на воле – как тут не отметить!

– Может нам прошвырнуться и по ночным увеселительным заведениям?

– Так... кто ты такой и куда дел моего друга? – опешил от таких перемен Глеб. Зак рассмеялся:

– Я возвращаюсь!

– Рад это слышать! И каков план действий? Чего ваша душенька желать изволит?

– Буйства и разврата!

– Ого!

– Шучу. Хотя насчет второго...

– Беркутов! Я приличный семьянин!

– А, ну да, ну да. Тогда как – куролесим на детском утреннике, ни в чем себе не отказывая?

– Размечтался! Там тусят только избранные! Чтобы попасть в это богемное общество поклонников трансформеров и почитателей Барби надо уметь метко стрелять!

– Я о том и толкую! Пора расчехлить оружие и прочистить ствол!

Парни рассмеялись и условились встретиться у Глеба в ближайшую субботу.

Глава 7

Впервые за много лет Захар почувствовал настоящий праздник. Не просто телефонный звонок от друга или, в лучшем случае, его приезд, а самое настоящее торжество, виновником которого был он, а потому получил максимум внимания от всего семейства Рогозиных.

Сначала они приземлились в ресторане, где Зак вдоволь налакомился разнообразными деликатесами и все равно остался при своем непоколебимом мнении, что Милкины пельмени – самая вкусная еда! Вечером «лучшая жена на свете» милостиво позволила своему благоверному «выгулять» друга. Они хитро переглянулись, как показалось Беркутову, и, усадив Милу с детенышами в такси, сами отправились в ночной клуб.

Там они осели за баром и наблюдали за разношерстной публикой, прибывающей за яркими эмоциями и впечатлениями. Заку было не по себе – как он ни старался за прошедший месяц избавиться от своих комплексов и страхов, времени прошло ничтожно мало. Он дико озирался на слишком громкие звуки или чересчур шумные компании. Почувствовал руку друга, ободряюще сжимающую его плечо:

– Расслабься, чувак! Все нормуль. Я тебя в обиду не дам, – подмигнул тот. Захар усмехнулся:

– За этот день! – поднял стопку водки со скупым тостом и чокнулся с Глебом.

Началась шоу-программа: живое исполнение песен перемежалось с выступлением танцевальных проектов и прочей дребеденью, которые Захару были, если честно, не шибко-то интересны. Был даже женский и мужской стриптиз, от зрелища которого он влил в себя две стопки подряд, ошарашено глянув на друга. Сколько у него не было женщины? Ооо! Даже не вспомнить! Мужской стриптиз у него, конечно, тоже вызвал сильные эмоции, но другого плана. Время перевалило за полночь, атмосфера в клубе накалялась, градус развязности повышался. К бару возле него нетвердой походкой подошла девушка и задела его плечом, чуть покачнувшись:

– Сорян, красавчик. Не рассчитала, – глянула на него нетрезвым взглядом. – Оо, такой милаха и скучает. Могу составить компанию, – подмигнула она и улыбнулась. Беркутов присматрелся к ней: милая девчушка, малость перебрала, правда. Скорее ухоженная, чем красивая: светлые волосы забраны в замысловатую прическу, которая слегка растрепалась в разгар вечера, и выбившиеся прядки придавали вид томной сексуальности. Красиво выделенные глаза непонятного цвета и ярко очерченные губы. Маленькое синее платье с откровенным декольте почти не оставляло место воображению. Мелькнула мысль, не она ли танцевала стриптиз? И молодая, неопытная. Будь постарше, не обратилась бы к нему и уж тем более не назвала бы «милахой» верзилу, что хмурой тучей вглядывается в толпу, выискивая подвох.

– Ты такой напряженный, – пропела девушка, опустив тоненькие руки с аккуратными ноготками на его плечи и проведя вниз до его кистей ласкательным движением. – Тебе здесь не нравится? Мы можем уехать.

Зак опешил – его же откровенно снимают! Это ж, какие нынче нравы?! Девчонка, тем временем, зацепив пальцами рукава его поло начала обратный путь руками, заодно оголяя его предплечья. Вроде бы невинный жест – она же не в трусы к нему полезла. Но его припечатало к месту – настолько интимной показалась эта ласка. Девушка оставила рукава в покое и переплела свои пальцы с его, подняв их до уровня груди. Кажется, ее совсем не смущает, что объект ее притязаний стоит истуканом, даже слова из себя не в силах выдать. Подошла ее подруга и стала что-то громко кричать на ухо этой, головой указывая на татуировку Зака. Понятно. Стреляная, значит, и не с такими путалась. Из-за грохочущей музыки Захар не расслышал слов и только наблюдал, как малютку увели. Та и не сопротивлялась, лишь улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй.

Беркутову не обязательно было ее слышать, он и так знал, что кусок колючей проволоки на запястье говорит сам за себя. Ошибки молодости – кто их не совершал? Конкретно эта – одна из его самых невинных. Но, твою ж налево, как мерзостно! Станет тепло, наденет футболку – его и вовсе шарахаться станут? Там ведь вся рука в наколках, символизирующих кто такой, и за что сидел. Ну, уж нет. Этого еще не хватало! Глеб, по-своему расценив хмурость Захара, хлопнул его по спине:

– Не парься! Здоровее будешь! – намекая на венерический букет болезней у столь доступных особ. Зак кивнул, не переубеждая друга. Дальше – больше.

К бару подошли два сосунка. Назвать их по-другому у него бы язык не повернулся. Он просканировал их с ног до головы внимательным взглядом, подумал, что система дала сбой и еще раз, более сосредоточенно оглядел. Черные туфли – окей; черные, слишком зауженные брюки подчеркивали стройность ног – ммм... на любителя. Но! Снизу штанины скатаны в трубочку, оголяя часть щиколоток, закрытых *белым* носком! К такому жизнь его не готовила! На одном – узкий короткий пиджачок с подернутыми рукавами, на другом – розовый, облегачающий тоненькое тельце, джемпер. На голове у них – атас! У одного волосы стоят, как гребешок; что-то похоже на «ирокез», но это, блядь, зализанный гелем петушиный, мать его, гребешок! У второго стильно выстриженная борода и маленький хвостик на макушке. Белоснежные зубы, холеные пальчики, как еще губы блеском не намазаны?! Конечно, Зак со своим устаревшим взглядом на мужской образ не претендует на роль ведущего модельера. Свободные черные джинсы самого простого покроя и обычное черное поло (что кофта на нем называется именно так, он узнал от Милы, которая и купила ее) тоже нельзя назвать верхом высокой моды, но *это...* даже как-то... перебор, одним словом. Твою ж налево! Он медленно повернул голову к Глебу, который чухнул за реакцию друга и тихо угорал.

– Это *что?* – просипел тот, кивнув в сторону мальцов.

– Современная мода, парень. Как тебе? Впечатляет? – посмеиваясь, спросил он.

– Я на зоне жопу стерег не для того, чтоб на воле педиком стать! – грубо отрезал он.

У него совсем упало настроение: музыка играла дурацкая, совсем не в его вкусе, пьяная развязная молодежь дергалась в каких-то конвульсивных предсмертных судорогах.

– Покурим? – махнув головой в сторону выхода, уже сам двинул туда.

– Поехали отсюда? – буркнул Зак, затянувшись и выпустив дым в холодную ночь.

– Не зашло? – участливо спросил друг.

– «Я слишком стар для этого дерьма» – ответил он цитатой из «Смертельного оружия».

Глеб хохотнул:

– Ладно, брат, еще одно место и по кроваткам.

Беркутов не хотел тащиться куда-то еще, но и друга обижать отказом не собирался:

– Как скажешь, – покорно отозвался он, и почесал в гардероб за куртками, пока Глеб вызывал такси.

Глава 8

Бар «Бешенные псы» приветствовал своих гостей матерой рок-музыкой еще при входе. Зайдя внутрь, парни также парканулись у бара. Захар огляделся: антураж, музыка, мебель, декорации – все здесь указывало на то, что это породистое чистокровное байкерское заведение. Вместо барных стульев – мотоциклетные седла. Повсюду горделиво вывешены на обозрение цвета и флаги мотоклубов, как пояснил Глеб. Играют излюбленные композиции рок-групп, иногда замиксованные в более танцевальном ритме. А какие люди! Куда ни глянь – глаз радуется! Дюжие закаленные мужики в коже и цепях, сидят большими компаниями, громко и весело смеясь, или передвигаются по бару, здороваясь и общаясь со всеми. Никаких тебе зализанных челоков или розовых пиджачишек. Только рок, только хард корр! Гордые смелые женщины восхищают своей дерзостью – тут «малюток» съели бы заживо! Настроение у Зака улучшилось:

– Ништяковое место! Чего ж сразу сюда не поехали?

– Чтоб ты увидел разницу и понял, что тебе ближе.

– Вот ты хитрый лис!

Они заказали выпивку, и Захар окончательно расслабился, полностью освоившись в такой приятной сердцу среде. К Глебу периодически подходили разнокалиберные мужички, и тот обязательно знакомил всех с Беркутовым.

– Надо же, Желтый! Давненько тебя не видно! Милка совсем из-под каблука не выпускает? – беззлобно поддел здоровенный бугай, пожимая Глебу руку и захватывая в свои медвежьи объятия.

– Гонит взащей, да я не иду! – отшутился он, отвечая на приветствие. – Вот друга привел развеяться. Знакомься – Захар.

Громила протянул открытую ладонь:

– Рома Вепрь.

– Зак.

– Ромка знатный мастер татуировок. Бьет качественно, несмотря на отсутствие глаза. Все «наши» у него обслуживаются, – представил его Глеб. Захар сжал чуть крепче руку мужчины, не выпуская, когда тот попытался ее забрать:

– Тату-мастер, говоришь? Нам бы перетереть, – с прищуром посмотрел на него Зак, у которого в голове стремительно завертелась идея.

– Не вопрос! Ток не щас, сам понимаешь – настроение не рабочее, – указав на свою кружку пива, которую поставил на бар, чтоб поздороваться с парнями, широко улыбнулся он – в понедельник пригоняй ко мне, все обсудим!

– Добро!

Потом еще много подходило людей, и женщины в том числе. Все без исключения открыто и дружелюбно приветствовали Захара. С кем-то завязывалась беседа, кто-то шутики шутил. Царила атмосфера непринужденности и веселья. Дух свободы так и витал в воздухе, дразня мотоциклистов скорым приближением сезона.

Четыре пацана залихватски подсели к ним. Как выяснилось чуть позже, с этими парнями Глеб катал, дружил «семьями» и по праву мог назвать их друзьями. Когда-то давно их тоже было четверо: Глеб, Захар, Илья и Димка. Друзья – не разлей вода, гонявшие голубей по подворотням на стареньких Явах и Ижах, вместе впутывались в истории и так же дружно из них выкарабкивались. Жизнь – штука не простая, а у отчаянных мотоциклистов еще и короткая. Парни подросли, заматерели и пересели на более мощные моторы. Илья, не справившись с управлением, разбился наглухо. Димку жизнь повела по наклонной, и он закончил в отделении

наркозависимых. Захара посадили, вот и остался Желтый один. Со временем он снова оброс верными товарищами, которые сейчас устроили настоящий балаган за баром рядом с ними.

– Баламут! Сезон не успел начаться, а ты уже отутюжен! – удивленно воскликнул Глеб, приветствуя паренька худощавого телосложения с ярким кровоподтеком под глазом.

– Он у нас в рыцаря решил поиграться – вступился за девушку против трех мордоворотов, – встрял парень с задиристым взглядом, взлохматив и без того непокорную шевелюру Макса Баламута.

– Вот такой я мазёвый воробей, – хвастливо заявил тот, улыбаясь во все зубы.

– Я ему сколько раз талдычил: сначала мясо надо нарастить, потом пальцем обернуться, ну, а потом и в рыло сможет дать, кому надо, – вставил свои пять копеек лысый парень.

– И страдать отдышкой пока до гаража струячишь! – благодушно поддел его самый взрослый из всей компании Леха Хоббит.

Глеб познакомил парней между собой и только Ждан, самый занозистый, окинул Зхара настороженным взглядом сквозь прищур. Зак не стал заморачиваться – есть что спросить – ответит. Весь остаток ночи он провели вместе. Захар прислушивался, приглядывался, пытаясь докопаться до сути каждого. С удовольствием отметил, с каким уважением парни говорят о Миле. Надо отдать должное Глебу – это он так позиционирует свою жену. Зак слушал их шуточные препирательства и вспомнил себя когда-то такого же бойкого и задорного. Он от всей души, по доброму, завидовал Глебу, радуясь, что злой рок обошел его стороной. Ведь он, Зак, вряд ли станет таким, как прежде – колония оставила неизгладимый след на нем. В его силах лишь снова стать Человеком, после всего пережитого.

Глава 9

Вернулись лишь под утро в приподнятом настроении. Понятно, ни о какой бане и речи не шло – оба завалились в квартиру и рухнули спать, как были. Но дети на то и даны, чтобы не вникать в нужды взрослых и жить в своем мирке. Так, по крайней мере, казалось Заку, когда маленькие слонята начали топтать с утра пораньше, никого не стесняясь. Услышав голоса взрослых в кухне, Захар понял, что это не просто неуважение к участи гостя, а норма поведения даже при родном отце, пусть и страдающем с похмелья. Беркутов содрал себя с дивана и потащился к ним. Он повалился на противоположный от Глеба стул, и перед ним тут же на столе возникла бутылка холодного пива.

– Мила! Ты – сокровище! – восхищенно отблагодарил Зак и приложился к живительному напитку. Та со значением «чтоб вы делали без меня» стрельнула глазами на парней и продолжила готовить завтрак. Или уже обед?..

Сытная еда, бодрящий душ и еще одна бутылка пива воскресила их из мертвых. Вышли покурить и Захар завел речь, о чем он кумекал еще с ночи:

– Когда меня заперли, я просил тебя продать мой мотоцикл и кое-какие вещи, – начал он. В то время старую Яву сменил довольно ушатанный, но доведенный до ума дрегстер уже тогда умелыми руками Зака. Ну, и так, по мелочи... Глеб кивнул, он был готов к этому разговору:

– Я так и поступил: вырученные средства вложил в государственные облигации и за все это время набежал приличный процент.

– Насколько приличный? – уточнил Захар.

– На мотоцикл хватит, – заговорчески ухмыльнулся тот.

И понеслись изменения в жизни Буркутова с головокружительной скоростью. Временами ему казалось, что он оседлал дракона, который мчит его, сломя голову, не поддаваясь никакому контролю и управлению.

Первым делом он наведился к Вепрю. Увидел его при свете дня – и впрямь у того нет одного глаза. На шее висит кабаньий клык на кожаном шнурке. Захар не будь дураком, сложил все увиденное воедино и выдал заключение:

– Охотник?

– Был, – подтвердил тот. – Мне тогда здорово досталось, чудом жив остался. Теперь вот рисую. Пойду, воды наберу, а ты глянь пока работы, – положил перед ним папку с эскизами, взял чайник и, хромая, вышел из комнаты.

Работы – потрясные! Что ни рисунок, то – шедевр! Он словно видит объект целиком со всех сторон сразу и передает его на кожу в трехмерном изображении. «Я вижу всю картину третьим глазом», – отшучивался он. Зак не знал, что конкретно хочет набить. Надо перекрыть старые портаки – вот основная задача. Он обнажил руку по просьбе мастера, позволяя тому осмотреть весь фронт работы. Затем тот принялся рисовать на бумаге, попросив Захара заварить чай. Вот так, без затей. Мол, кружки и остальное найдешь в шкафу. Заку импонировала такая простота в общении. Через некоторое время появился эскиз. Беркутов немного опешил, но принял такой вариант: королевская кобра обвивала руку, скользя от запястья до плеча, и вверху шипела, раскрыв капюшон, готовая к смертоносному броску в любую секунду. Круто, мощно, живо. Рома посоветовал набраться терпения – далеко не один сеанс потребуется для выполнения всего изображения. Обговорили стоимость, сроки. Покурили и преступили, не откладывая в долгий ящик.

Следующим пунктом скоротечных изменений в жизни Беркутова стала покупка мотоцикла. Люди везде делятся на сборища по интересам, даже на воле. Он наглядно увидел лишь некоторых из них – клубная попсытина и байкеры – но этого вполне хватило, чтоб определиться с выбором. С Глебом засели перед компьютером, монитора рынок и выписывая под-

ходящие варианты, возбужденно обсуждая предстоящую покупку. Выбор Зака пал на Suzuki GSX1300R Hayabusa – самый быстрый серийный мотоцикл в мире. И очень дорогой! Тех денег, что так дальновидно приумножил Рогозин, на покупку поддержанной модели хватит, даже еще немного останется на б/у экипировку (о новой и говорить нечего) и комнату (даже не квартиру), чтоб снять на несколько месяцев. И все! Надо срочно подыскивать работу. Только куда бы он ни мыкался – везде отказ. Исходя из этих данных, можно так-то и попроще мотоцикл подобрать, но Захар упрямо стоял на своем. Именно такой мотоцикл отображает его на данном этапе жизни: порывистый, мощный, опасный, рискованный. Черт с ним! Живем один раз! Он и так слишком много времени потерял.

Мотоцикл купил относительно дешево и быстро, потому как тот после «скользачки» – весь пластик на левой бочине стерт. Для Беркутова это не проблема: докупил необходимые материалы, засел у Глеба в гараже и к сезону он блестел черными лоснящимися боками, как новенький. Сначала. Потом Зак покрыл матовым лаком, и режущий блеск заменил размытый полупепел теней. Татуировку набили довольно скоро, благодаря болеустойчивости Захара и рекордным своей по длине сеансам. Змей вышел как живой: внушительный, впечатляющий, несущий угрозу. В этот раз Вепрь превзошел сам себя. На «барахолке» мотофорума прикупил боты, куртку, перчатки и шлем – самые обычные, черного цвета, без всякого выпендрёжа, а потому самые недорогие.

Осталось решить вопрос с жильем. В бане дольше оставаться неудобно – Мила готовится засаживать огород, а значит, и кантоваться там выходные, и хотя никто не выгонял его, Зак решил съехать. На ловца, как говорится, и зверь бежит. В той же «барахолке» наткнулся на объявление паренька-мотоциклиста, который ищет сожителя на хату. Его сразу все «замину-сили» и отправили в раздел недвижимости, но Беркутов успел набрать его номер и теперь паковал зубную щетку и носки (больше-то и нечего) и переезжал жить в город.

Глава 10

Вечер. Темнеет. Город включает иллюминацию уличными фонарями и разноцветными вывесками. Пятница, тепло. Молодежь тусит по городу, люди постарше чинно прогуливаются, старики облюбовали скамейки в парках. Все выбрались из своих душных квартир на свежий воздух в этот погожий денек.

Парни мчались по кольцевой дороге вокруг города, обгоняя суетливые легковушки и неторопливые грузовики. Они собирали компанию из разных частей города, заезжая за каждым самой долгой дорогой, чтобы насладиться первым выкатом в этом сезоне. Захар был счастлив свободно лететь на своем мотоцикле по ровным, а чаще не очень, да это и неважно, дорогам. Он упивался ощущением мощи мотора, послушно отзывающимся на малейшее движение руки. Многоголосное звучание двигателей всех мотоциклов ласкало его слух, и он пьянел от эйфории своей свободы!

Глеб ехал на своей ярко-желтой Хонде RR'ке; Хоббит парил на рыжем, раскрашенном под хохлому, Duke'е; Ждан топил на кроваво-красном V-Max'е; замыкающим был Зак. Ох, как не просто тому было сдерживать рвущую мощь мотора! Горячее сердце подстегивало выкрутить ручку газа, а холодный рассудок остужал здравой логикой не топить, попривыкнуть к мотоциклу. Они ехали за Баламутом за город, оттуда за Лысым на другой конец города. Все, без исключения, кайфовали, «расправив крылья» после долгой зимы. Собрав, наконец, недостающие звенья из Макса на мотарде Husqvarna и Димы Лысого на Drag Star'е – вот таким разноплановым составом завалились на «Грязную».

Был в городе пятачок, где с давних времен тусовались все немногочисленные по тем временам мотоциклисты. Тогда у всех поголовно были старенькие советские мотак, которые бессовестно часто ломались, подтекали и все в таком духе. Потому пацаны бесцеремонно ремонтировались прямо там: инструменты всегда с собой, а чего не хватает – товарищи одолжат. В связи с этим у аборигенов этого местечка постоянно были грязные руки – масло, пыль, грязь – всегда за здравье! Отсюда и пошло название – «Грязная Туса». Со временем парни пересели на импортные, более качественные моторы, которые уже не требовали столь частых и внезапных ремонтных работ; на поляне появились ларьки с горячим чаем, блинчиками и прочей снедью, но название так и осталось – Грязная.

Запарковали мотоциклы. Кто-то развалился прямо на своем, кто-то прихлебывал растворимый кофе из ларька, кто-то курил. Все с интересом встречали как минимум взглядом вновь приезжающих. До официального открытия сезона еще неделя, но самые нетерпеливые уже выкатываются, тем более, погода шепчет. Захар, сняв перчатки и шлем, расстегнув куртку, небрежно оперся на моц и курил, лениво слушая пустой, по сути, треп мотоциклистов и приглядываясь к прибывающим. А смотреть было на что! Какие только не заезжали байки: и блестящие хромированные чопперы, и яркие спорты, и комфортабельные классики. Даа, пятнадцать лет назад такое разнообразие могло только сниться!

Его взгляд зацепился за очередной мотоцикл, не спеша въезжающий на пятак. Белоснежный, блестящий, отполированный спорт-турист с довольно маленьким пилотом за рулем. Припарковался почти напротив их компании, спешился, снял перчатки и белый, в цвет мотоцикла, шлем. Зака аж подбросило, когда он разглядел белые короткие волосы, которые примялись под шлемом, но маленькая рука их живо растрепала. В это время Баламут травил очередную хохму, когда Беркутов впечатал свою ладонь ему в грудак, прерывая рассказ:

– Это кто? – кивком головы указав на девушку, которая аккуратно вешала шлем на зеркало моц и снимала куртку, в общем, удобно устраивалась.

– Аа, это Инка, – посмотрев в заданную сторону, ответил тот.

– Тебе не светит, парень, – с издевкой добавил Ждан.

– Как и никому из нас, – грустно подхватил Лысый.

– Свечку никто не держал, но ходят слухи, что она того... девочек предпочитает, – тихо просветил Хоббит.

Захар нахмурился и перевел скептический взгляд на него – знал бы тот, *что* видел Зак, поостерегся бы такую ерунду городить.

– Хорош базлать! – осадил всех Глеб. – Нормальная девчонка. Чуток нелюдимая, частенько особняком держится, это не повод приписывать ей подвиги! Зато разговор всегда поддержать может и с юмором у нее порядок.

Инна – лесбиянка?! Ага, заливайте! Та сцена у библиотеки с Ростовских нет нет да и всплывала у него в памяти. Особенно, когда «скачал» по прежнему режиму. Вдруг Зака охватила сильная, необъяснимо искренняя радость от того, что видит человека на воле из его колониального прошлого. Словно не его одного безжалостно выпнули в чужой мир, а вместе с ним есть еще люди оттуда же. Инна олицетворяла собой связь между двумя этими мирами. Она вмиг стала как будто родной, которая знала его там и сможет поддержать здесь. С чего такая уверенность возникла, он не понял, но его как магнитом потянуло к ней.

– Пойду, попытаю свое счастье, – криво улынувшись, тронул в ее сторону.

* * *

Наконец-то наступили теплые деньки! Нынче раньше обычного, кстати. При первой же возможности Инна прибежала к Механику «расчехлять» свой мотоцикл, и сегодня с неописуемым удовольствием выкатилась. Помимо душевной покатушки, она договорилась встретиться с Ириной – одной из ее немногочисленных приятельниц. Чтoб подтвердить встречу звонком, она заехала на Грязную. А народу-то! Да уж, видно, не только ее мототоксикоз замучил!

– Вот так встреча! – услышала она надсадный, хриловатый голос. Подняла взгляд и оцепенела, вытаращив глаза. Не может быть! Он что тут делает?

– Ты вышел? – первое, что пришло в голову, брякнула она.

– А не должен?

Она мотнула головой:

– Как минимум еще один том, – немного заторможено ответила она, вспомнив, что второй том «Отверженных» он так и не взял. Да и первый-то одно название, что прочитал. – Я все думала, куда запропастился?

– Думала, значит, обо мне? – облокотившись на бак мотоцикла с ее стороны, лениво поинтересовался он. Инна тут же обошла моц и встала по другую сторону:

– Не обольщайся!

Приглядевшись, она отметила, что он стал гораздо лучше выглядеть: волосы отрасли, приделся, приосанился, но, самое главное, исчезла затравленность из его глаз, появилась смелость в развороте плеч. Он словно встал с колен. Что ж, приятно видеть, что человек оказался сильнее системы, которая его так и не сломала.

– Значит, слыть кобёлом не так позорно, как сломать стойку, что твой мужик гниет на нарах?

Инна поморщилась:

– Оставь свои зоновские словечки в прошлом. Тут так не выражаются, – как маленького отчитала его. Захар усмехнулся – неужто оскорбил ее тонкую душевную организацию?

– Говорят, можно вывести человека из зоны, но трудно убрать зону из человека.

– Это не про тебя, – уверенно сказала Инна.

– Отчего же? – поднял бровь.

– Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе – кто ты, – улынувшись, мягко пожурила его, переключив поговорку про друга. Захар залип: контур мягких губ сложился в красивую улыбку, большущие глаза смотрят открыто и внимательно, смешно торчащие в разные стороны волосы добавляют ее образу какого-то озорства. Невысокая, но ноги длинные, иначе бы до

земли с седла не достала. Правда прикид на ней, как с чужого плеча: необъятная толстовка темно-синего цвета достигает середины бедра и почти полностью скрывает кисти рук, непонятные черные шаровары абсолютно скрывают очертания ног. И все же миловидная, тут не поспоришь.

– Так что там насчет твоего хахаля? – вернулся к вопросу, с которого девчонка так ловко прыгнула. Ему приспичило добиться от нее правды. Она склонила голову набок, испытующе прожигая его взглядом, в руках нервно теребила свой телефон, словно никак не могла решиться на ответственный поступок. Закусила губу, нахмурилась, а потом выдала как на духу:

– Он... мой брат!

Ну и ну!

– погоди! – он даже головой помотал, отрицая только что услышанное, – тебя бы не взяли туда, даже толчки драить!

– Никто не знает. По документам мы чужие люди друг другу. Это... темная история.

– И типа ни разу к нему не приезжала? В журнале учета посетителей наверняка стоит запись, и не одна.

– Это могла быть внучатая племянница двоюродной бабушки его однокурсника, который сам не смог приехать, и попросил ее вместо себя отвезти передачку. Сердобольная натура последней была возмущена отсутствием элементарного образования и взялась это исправить.

– Это несколько раз однокурсник не смог приехать? – с сомнением протянул Зак.

Инна пожала плечами:

– Думаешь, многие дожидаются своих друзей с зоны? Есть и такие, которые постепенно прекращают поддерживать связь, когда человек еще отбывает срок наказания.

– Все продумала, значит...

Дела... Девчонка сумела удивить! Брат... тогда понятны все ее слезы и переживания. Ну, еще бы! Тогда, выходит, она свободна? Или все-таки лесбуха? Пока он сомнительно оглядывал ее причудливый образ, зазвонил телефон.

– Извини, мне звонят, – намекнула она, что разговор секретный. Он кивнул, пропустив замечание мимо ушей, погрузившись в свои мысли. Тогда девушка, недовольно клацнув языком, сама отошла на почтительное расстояние, на ходу отвечая на звонок. Когда она возвращалась к мотоциклу с намерением уехать на встречу к Ирине, которая и звонила, парень все еще стоял на том же месте, навалившись бедром на мотоцикл – как еще не уронил! – зацепившись большими пальцами рук за карманы джинсов, и через прищур внимательно, даже слишком, следил за ней. У Инны закралось нехорошее предчувствие.

– Ты же интересовался насчет нас с Яном ради праздного любопытства? – на всякий случай уточнила она.

– Я похож на стукача? – с угрозой произнес он. «Нет» – качнула головой, а рука непроизвольно потянулась к ножу, припрятанному, как всегда, за поясом. Потом успокоила сама себя: не станет он поднимать бучу с ровного места. Тем более, он тут новичок, и, в случае чего, мотобраты вступятся за Инну, которая в теме уже лет шесть.

– Мне пора, – надела куртку, шлем, перчатки. Завела мотоцикл и под ровное урчание мотора плавно поехала.

Глава 11

– Что с тобой произошло, Инна? Твое нервное перевозбужденное состояние видно невооруженным глазом. Ты *должна* сказать мне правду, иначе я просто не смогу тебе помочь! – заявила Ирина, с тревогой глядя на мечущуюся подругу. Они вели знакомство еще со школы, потом их дорожки разошлись: Инна по своему внутреннему кодексу чести вынужденно поступила зубрить правовое дело, Ирина, повинаясь велению сердца, с головой окунулась в необъятные глубины психологии. По окончании ВУЗа она нашла в Инне идеальный объект для оттачивания приобретенных знаний и навыков. Вот уже не один год они встречались как доктор и пациент раз в месяц, и как подруги гораздо чаще.

Ирина права: докторам нельзя врать или недоговаривать. По этой причине она потоком членораздельных слов, сбивчивых фраз и сумбурных мыслей «вылила» на Ирину все свои страхи и переживания за этот вечер – самый яркий по эмоциональной нагрузке за весь прошедший месяц.

– ... и почему он ошивался на Грязной? Он не был похож на случайного залетного. Неужели он?.. Не может быть!.. – она обалдело воззрилась на подругу, только что осененная своей собственной догадкой. Спокойные умные голубые глаза Ирины улавливали каждый жест, цепкий ум предугадывал еще не высказанную мысль и выстраивал логическое заключение ее поступкам.

– Тебе хочется верить, что он – мотоциклист, такой же, как ты. Этим фактом вы «роднитесь», становитесь на одну сторону между обычными среднестатистическими людьми и... иными, не такими, как все, со своей трагедией в прошлом, по-иному самовыражаясь. Раз он пришел оттуда, где сейчас Ян, ты неосознанно хочешь стать ближе к нему, а через него и к Яну.

– Нееет... – протянула Инна, в глубине души подозревая, что та права. – Что же делать?

– Тебе нужна защита, – начала с главного подруга. – Ты вынуждена быть сильной и независимой, но внутри тебя живет хрупкая, легкоранимая девочка, которой жизненно необходима надежная опора и сильное плечо. У тебя не было защиты в детстве, нет ее и теперь. Но все твоё нутро надрывается криком о помощи! Позволь ему проявить свои качества защитника по отношению к тебе, раз он уже был в этом замечен, – намекая на поведение последнего из тюремных рассказов Инны.

Проще сказать, чем сделать. Инне было тринадцать лет, тогда и стоило изгонять ее фобии и странности. Но сироты в интернате выживают, как могут, и «скелет» ее проблемы оброс мясом и глубоко засел в подкорке. Теперь же, когда ей почти двадцать семь, избавиться от комплексов, вырваться из паутины привычного, пусть и в корне неправильного уклада жизни, очень и очень непросто.

Проблемы проблемами, а жизнь идет вперед, и подкрался праздник всех мотоциклистов – ежегодное официальное общегородское открытие мотосезона. Как и всегда разномастные байкеры съезжаются в место построения колонны и дружным рядом под радостные визги девчонок, одобрительные свистки и улюлюканье, под рев моторов и сигналы клаксонов гордо выносят себя на обозрение всему городу, объявляя «ну, держитесь – мало не покажется!» Несколько сотен участников мотопробега выстроились по двое: сверкающие отполированным хромом низкооборотистые мощномоторные чопперы с матерыми пилотами и бесстрашными подругами в банданах. В противоположность им скоростные и легкие спорт-байки с пилотами в ярких кожаных комбинезонах и легкомысленными веселыми девчонками в минивсем, искренне куражащихся. Тут же «туристы» необъятных размеров с креслом, вместо седла, с колонками и торчащими во все стороны длиннющими антеннами, на которых восседают приземистые мужички со своими женами. Зубастые эндуристы успевают хоть немного счистить свежесобранную грязь, а крохотные питы гоняют среди сборища серьезных моторов, как дети

вокруг взрослых. Девушки за рулем любых мотоциклов автоматически вызывают восхищение и попадают в список королев. Солнце припекало не по-детски и отсутствие ветра лишь усугубляло душливую жару.

Беркутов заразился всеобщей атмосферой праздника и веселья. Он жадно впитывал каждой клеточкой изголодавшегося нутра дух свободомыслия, раскованности и бешеную пульсацию самой жизни. Вначале. Потом кое-как продвигающаяся колонна заметно подостудила его запал. Черную одежду конкретно так напекало солнце, ему было нестерпимо жарко. В интеграле душно и нечем дышать, а поднять забрало, считай, полные глаза пыли. Мотоцикл перегревался, вентилятор работал непрерывно. Еще кто-то затупил впереди так, что все встали напроць! Где сопровождающие колонну удалыцы в желтых жилетах? Почему не контролируют процесс? Настроение определенно подпортилось.

Зак психанул и поехал сам разбираться, в чем дело, выехав из строя и так-то нарушая порядок. Глеб, будучи в курсе за несладкий характер друга, ломанулся следом, остальные «мушкетеры» за Глебом. Через пару кварталов Захар расчухал в чем загвоздка. На большом перекрестке колонну «разорвал» выехавший на середину драндулет, из которого выскочил чудака и рьяно жестикулировал руками, рассказывая, откуда дети берутся тормознувшим перед ним мотоциклистам.

«Ну, почему именно я», – грустно думала про себя Инна, без удовольствия выслушивая горланящего мужичка, который проклинал всех байкеров и ее в частности за то, что пропустил уже миллион зеленых сигналов светофора и его сраная рассада гниет в перегретом салоне, торча во все стороны, пока он ждет. Мотоциклист слева от нее как воды в рот набрал – хоть бы пискнул разок. Нет ведь! Инне самой приходится откусываться от этого горе-дачника. Где же эти чертовы патрульные машины, что перекрывают перекресток при прохождении колонны? Когда Инна уже отчаялась как-то успокоить и вразумить истеричное создание, порядком устав докрикиваться ему из шлема, подъехал черный спорт-байк. Мужчина спешил и подошел к бунтовщику, на ходу снимая шлем:

– Какого хера сюда вылез?! Тебе по-конски объяснить, что идет колонна?! Сам не догоняешь?! Дергай отсюда, пока тебе в жопу не засадил твои же сажены по самые гланды! – наорал на перепугавшегося бедолагу Захар. У того сразу спеси поубавилось и он, прыгнув в колымагу, дал задний ход, убираясь подальше отсюда подобру-поздорову. Зак обернулся к мотоциклистам и, увидев, на кого блажил «подснежник» разозлился еще больше:

– А у тебя что?! Хуй в зубах застрял?! Видишь на девчонку наезжают, западло впрячься?! – обрушил свой гнев на бедного паренька, – давай, двигай отсюда! – приказал он и раздраженно пошел к своему мотоциклу.

Инна во все глаза следила за его действиями и тихо охреневала – вот это нрав у человека! К такому приближаться-то страшно, не то, что защиты просить! Беркутов уже успел подъехать к ней, встав на место паренька, и дернул головой, мол, «поехали, чё стоишь». Глеб настороженно наблюдал за товарищем, готовый в любую минуту осадить его, начини тот перегибать палку. Но все обошлось и парни, выстроившись в пары, ринулись догонять остальных.

Капли пота стекали от ушей на шею, бежали по спине, под мышками образовались целые заводи – это сильно выбешивало Зака. Очередная остановка. Жар от перегретого двигателя поднимался вверх, увеличивая температуру и без того горячего воздуха и обжигал лицо, когда он поднял визор.

– Эта пытка когда-нибудь, блядь, закончится?! – не выдержав, рывкнул он в пространство перед собой.

– Первый раз на открытии? – сочувственно спросил Инна. Она по опыту знала, что все веселье в колонне только кажущееся, искусственно раздутое. Она и сама бы пропустила этот пробег, но не знала объездной дороги на базу, куда сразу все поедут отмечать открытие и где ей шибко понравилось в прошлом году, а потому непременно хотела туда попасть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.